

ФЕДОР ЧЕРВИНСКИЙ
СИЛЬФИДА

Федор Червинский
Сильфида

«ИП Стрельбицкий»

Червинский Ф.

Сильфида / Ф. Червинский — «ИП Стрельбицкий»,

ISBN 978-5-04-011981-3

Рассказ русского прозаика, поэта и переводчика Ф.А. Червинского (1864 – 1918) повествует о «маменькином сыне» Алексаше Бобылеве. Он усердно сватается к интеллигентной и утонченной Валентине Ниловне. Парень старается изо всех сил: он даже напускает на себя лоск несвойственной интеллигентности. Своеобразное обаяние Алексаши по душе Валентине, но... Неожиданные проблемы в семье заставляют ее изменить планы.

ISBN 978-5-04-011981-3

© Червинский Ф.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Федор Алексеевич Червинский

Сильфида

I

Последние лучи солнца бросали розовые пятна на скошенный луг, серую ленту дороги и деревянный одноэтажный дом странной архитектуры. Владелица усадьбы Анна Власьева Бобылева, полная и розовая дама лет 50-ти, сидела в гостиной, в кресле, и с страдальческим видом нюхала нашатырный спирт. Единственный сын ее Алексаша – длинный парень 22 лет, лежал на диване, смотрел в потолок и усиленно дымил папироской.

– Скоро ли они, Господи! Поезд, чай, пришел давно, – заговорила после долгого молчания Бобылева. – Ох, опять нога затосковала.

– Не иначе, как что-нибудь печальное вспомнила, – пробормотал Алексаша.

– Что ты говоришь?

– Насчет вашей тоскующей ноги, маменька. Печальное что-нибудь вспомнила она.

– А, дурак?

– Не стоит благодарности, маменька.

– Хоть бы ты делом занялся; то табачищем дымишь, то на потолок плюешь.

– Когда же вы видели, маменька, чтоб я в потолок плевал? Это занятие бесплодное, а я, маменька, существо разумное.

– Разумное, видишь, существо! Где ты это разума набрался? В каком университете?

– Дайте срок, я и без университета мир удивлю.

– Ты бы лучше пошел да отца разбудил. Полно ему дрыхнуть.

– Это возможно! А, впрочем, вот и папенька – в натуральную величину.

– Слава-то, Господи, выпался! – обратилась Анна Власьева к медленно входившему старику, смиренно и светло улыбававшемуся.

– Сейчас приехать должны.

– А? Так, так, так. Рад, матушка, рад.

Он сел на диван у ног Алексаши.

– Здоровье твое как, матушка? Все таково – ненадежно, а? – И, бросив беглый взгляд на сына, он весело и лукаво подмигнул ему, что доставило Алексахе, по-видимому, неизреченное удовольствие.

– У маменьки ноги тоскуют до чрезвычайности.

– Так, так, так...

– Едут! – крикнул вдруг Алексаша страшным голосом. Старичек вздрогнул. Анна Власьева слабо вскрикнула и вскочила.

– Ох! Даже в сердце оборвалось. Этаким голосище оглушительный.

Она высунулась в окно.

– И врет – никто не едет.

– Стало быть, маменька, это мне почудилось.

– Ну и дурак!

– И правда, Алексаша, – заметил Бобылев, – голос, у тебя неумеренный. И маменьке при их слабой комплекции...

И он опять лукаво подмигнул сыну.

– Маменька, и она теперь, надо думать, красоткой стала, Валентна Ниловна. И что только никто ее замуж не взял?

– Ну, как же ты не дурак? Она семерым отказала. И отец уговаривал, и тетки – нет, да и нет! Да и что ей торопиться? Ей и двадцати четырех нет.

– Девица, стало быть, в самом соку.

– Как ты выражаешься! И вот что это, Алексаша; не называй ты меня при них маменькой – все-таки, знаешь, они из Петербурга, а там этак не говорят. Зови меня маман.

– Маман? Извольте, маменька. Маман так маман. А папеньку – папан.

Старичок прыснул от смеха.

– Так, так... а, меня – папан, – забормотал он, хихикая.

Анна Власьевна посмотрела с них с подозрением и встала.

– Оба хороши, – сурово заметила она. – Пойти взглянуть, все ли готово. Я ведь хоть помри – за меня никто не работает...

И она вышла, хлопнув дверью.

– Волнуется, – конфиденциальным шепотом заметил Бобылев. – Волнуется мамахон твоя: все ж, знаешь, богатые родственники... из столицы...

Алексаша затянулся дымом.

– Это Чибисов-то богат? С каких пор?

– Ну, все же, там хватить, – тут урвет... в трех банках числится или обществах каких... но знаю в точности. Тысяч до семи в год наберет – и их-то двое. – Старичок наклонился к сыну и прибавил испуганным шепотом: – Аферист! пустой человек!

– К нам-то они по надолго?

– На три дня, братец... либо на четыре – как билет позволит. Нилушка писал, что у них прямого сообщения. Торопятся. В Крым уже и женишки наехали... Хи-хи-хи! Да, кстати, – продолжал Бобылев, мгновенно сделавшись серьезным, – ты, Алексаша, достань мне у мамоньки рублей пять. Либо из своих.

– Для машины?

– Винтики, винтики ей нужны, – заговорил Бобылев одушевленно. – Винтики, проволоки, гайки... Я Трофима в город пошлю – он привезет.

Жестикулируя и захлебываясь, он стал несвязно выяснять цель новых приспособлений, благодаря которым опасность трения маятника уничтожится и *perpetuum mobile* будет достигнуто. Алексаша, не вслушиваясь, смотрел на старика с улыбкой.

– Так пять рублей достаточно для вашей славы?

– Да, да, да... Видишь может быть, это пустяк... но ежели... Только мамахон ни слова, – понимает?

– Ну, натурально! Ах, папан, папан – большой ты фантазер!

– Ну ладно, ладно, ладно... Ты вот потом... ты сам потом скажешь... А? Что? Как будто едут?

Алексаша прислушался.

– И то едут.

Он вскочил с дивана и подошел к окну.

– О, уже они тут как тут, – говорил он, выглядывая из окна. – Во двор въезжают. Нил Нилыч сияет как медный грош, а прелестная Валентина мрачна, как принцесса, полоненная варварами.

– Знаешь, Алексаша, – прошептал Бобылев таинственно, – знаешь, что я тебе скажу: нам нужно их встретит, а то мамахон опять задаст нам фоферу.

Алексаша кивнул головой, поправил галстух, пригладил волосы, и они быстро вышли из комнаты.

II

В одиннадцатом часу Бобылевы и Нил Нилович с дочерью сидели уже за ужином. Валентина Ниловна – худощавая блондинка с длинною пепельною косою, зеленоватыми глазами и тонкими бледными губами, с скучающим видом поглядывала по сторонам, но вслушиваясь в многословные и оживленные рассказы отца – краснощекого, жизнерадостного и толстенького человечка, с хитрыми глазками и широкой улыбкой. Он и ел с аппетитом, и пил с жадностью, и говорил, говорил, говорил... Когда он обращался к Бобылову, старичок, чувствовавший на себе испытующий взгляд жены, смущался и бормотал с заискивающей улыбкой: так, так, так... Алексаша молчал, не спуская глаз с Валентины Ниловны, и пил красное вино стакан за стаканом.

После ужина пошли в сад – большой и запущенный. Звезды уже блеснули на томносером фоне безоблачного неба, пророчившего на завтра знойный день. Легкий ветер, приносивший с луга залах свежего сена, мягко шелестел дремавшими листьями старых лип и тополей.

– Как хорошо, – заговорила Валентина вполголоса, – как давно не видела и этого. Ведь я с детства не была в деревне.

– Ну, вы не долго восторгались бы деревней, – заметил Алексаша. Он с удовольствием чувствовал, что, благодаря красному вину, всякое смущение прошло, и он, как всегда, мог держать себя развязно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.